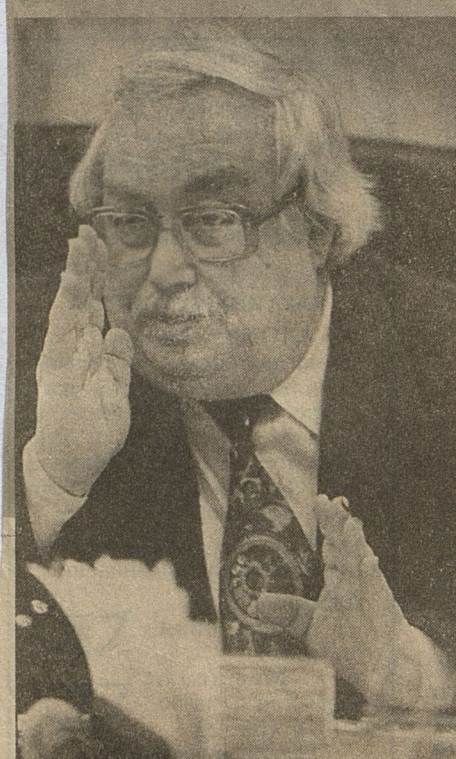

Человек недели

Век. Москва. Рубрику ведет Жанна Авязова.
1997. 7 марта. С. 3

АНАТОЛИЙ ЛЫСЕНКО:

Я НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА СВОИХ СДАЮТ

НА 19-м этаже СЭВа, то бишь мэрии, где мы часа полтора беседовали с недавно назначенным руководителем комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации правительства Москвы Анатолием Григорьевичем Лысенко, окно было распахнуто. По кабинету гулял свежий морозный ветер.

«Всю жизнь мечтал быть историком», — признался собеседник. Хрупкая мечта, увы, не осуществилась. Но в историю он все-таки «влип» — в телевизионную. Постоял, как говорится, у истоков. Много шуму наделало и его нынешнее назначение. И пока здесь больше вопросов, чем ответов...

— Как же вы на телевидении-то оказались?

— В МИИТе всегда была классная самодеятельность, и я все время в ней участвовал. Мы делали всякие сумасшедшие спектакли эстрадного плана. Наши вечера даже конной милицией сопровождалась — такой был наплыв желающих туда попасть. Однажды мне позвонили ребята и говорят: «Слушай, тут отбирают самодеятельность для телевизионной передачи, приди». Ну я и приехал. Леша Габрилович, покойный, был режиссером, мы там с ним и встретились, подружились — на 35 лет. А тогда мы были молодые. Сделали передачу, показали и... ее не приняли.

Что делать? До эфира оставалось часа три, надо чем-то дырку заполнить. Ребята говорят: «Сейчас Олег Теслер нарисует карикатуры, а Лысый напишет текст». «За три часа они что — нарисуют столько карикатур и напишут столько текста?» «Ну и что, они это делают».

И мы сделали. Понравилось. На следующий день пригласили вести передачу — и пошло-поехало. Чего я только не вел в молодежной редакции! С нее, с «молодежки», собственно, и пошло все современное телевидение.

Преподавать к тому времени надоело, хотелось чего-то нового. Мне предложили сразу два места — начальником отдела в НИИ и на Московской дороге. Я, как буриданов осел, оказался между двумя охапками сена. И вот тут позвонили с телевидения: «Ты почему не приходишь?». Оказывается, о моем назначении старшим редактором уже приказ был подписан.

Тут я вспомнил сценку, которую мы играли в самодеятельности.

Встречаются ребята: «Ну, куда пойдём — в ЦДСА или в кино?». «Давай, — говорят, — монетку кином: орел — ЦДСА, решка — кино». Тут очкарик высовывается: «А на лекцию?». Ему говорят: «Вот встанет на ребро — тогда на лекцию». Так и у меня получилось. С той только разницей, что мне именно на телевидение больше всего и хотелось.

Стоило мне это дорого. Отец несколько лет со мной просто не разговаривал. Не мог понять, как можно прервать карьеру — транспорт, мундир — ради чего-то столь несolidного, несерьезного. Только сказал, что я умру под забором Киевской киностудии — ничего

страшнее студии Довженко тогда не представляли.

— Но в конце концов он вас простил?

— Только когда я начал делать «Нашу биографию». К счастью, он успел прочитать, что ее выдвинули на Госпремию. Но до вручения ее отец не дожид.

«ЕСТЬ МАЛЕНЬКОЕ НЕПРИЛИЧИЕ»

— Народное признание у вас тогда, мне кажется, было не столько за патристические передачи, сколько за такие, как КВН.

— Из КВН очень многие вышли. Это какой-то допинг, витамин. Я вел конкурсы, помогал писать тексты. МИИТ, как ни странно, никогда не побеждал, вылетал в четвертьфинале. Может, потому и Саньку взяли ведущим, что было ясно: подыгрывать своим не будет.

— Вы имеете в виду Александра Маслякова?

— Да, мы с одного завода. Сашка работал у меня на участке фрезеровщиком. Сначала мы его приняли в студенческий театр. Удивительно было: мы уже такие мэтры, окончили институт, популярные, «лауреаты фестиваля в Мытищах», и вдруг мальчик, с волосиками чуть побольше, чем сегодня, улыбается... Поймал себя на том, что тоже улыбаюсь. Смотрю — и все вокруг улыбаются. Он гениальный шоумен.

Все мы действительно болели друг за друга, радовались успехам, хотя и конкурировали, конечно. Телевидение — это тоже в какой-то степени, как говорил Товстоногов о театре, «террариум единомышленников».

КВН и «От всей души». «А ну-ка, девушки» и «А ну-ка, парни», «Что? Где? Когда?», «Взгляд» — это классика ТВ. И это все — «молодежка», мои друзья, хорошие, веселые люди, свои «городские сумасшедшие». Володя Славин, который делал изумительную передачу «Это вы можете». Вот он ушел от нас — и сколько ни пытались возродить, никто сделать это не может.

С Володей Ворошиловым мы настолько свыклись, что каждый день, как бабушки, пересваниваемся: сказать друг другу гадость — и успокоиться... Другим с 69-го года, еще с «Аукциона», за который нас потом выгнали.

— Что же в нем не понравилось?

— Песни «не те» пели. Время было странное, сейчас и не вспомнишь, за что нас долбили. Вот, говорят, известность надоедает. На самом деле приятно, когда тебя как ведущего узнают в метро — это такой кайф! И было, конечно, обидно, когда выгнали. Но с другой стороны, заставило по-новому относиться к делу. Стал больше «человеком за кадром», писал сценарии документальных фильмов. А телевидение шло и шло... пока не вылилось в 87-м во «Взгляд». С этого момента началось мое окончание как журналиста.

— Неужели стали чиновником?

— Ну нет, руководство «Взглядом» — это работа продюсерская, мозговая. То же и потом в ВГТРК... Это сейчас здесь совсем уж чисто чиновничья.

— И никаких планов не лелеете, — сценарий написать, скажем?..

— Тут такая штука: если ты занимаешь руководящую должность — должен или супер-классную вещь написать, а для этого нужны силы, время, — или не браться. В этом есть маленькое неприличие: нельзя учить людей, если сам все делаешь на том же уровне.

СКУРВИТЬСЯ МОЖНО В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ

— Наверное, уровень того «Взгляда» трудно превзойти — это была не просто передача, а целое общественное явление.

— Да, эти три года лет за десять можно считать. По напряжению, по связанным со «Взглядом» скандалам, истерикам. Когда ты со взглядовцами приезжаешь на встречу со зрителями и Дворец спорта забит людьми, которые хотят вас слушать, — это, скажу честно, эпоха в судьбе.

Есть на телевидении люди, которые всю жизнь живут этой борьбой. Мне иногда их жалко. Многие потеряли веру в то, за что боролись, оказались в нокауте.

Понимаете, на телевидении очень легко скурвиться, особенно сейчас. Иногда это видно невооруженным глазом. Смотришь на некоторых ведущих — а у них в зрачках цифры шелкают, как в окошке кассового аппарата. И когда я вижу скорость, с которой изменяются политические взгляды, я начинаю подзревать, что там не обошлось без цифр.

Раньше можно было скурвиться на карьере — лизать до крови и стать «сказочником ЦК КПСС», как назывались политобозреватели. Помните у Шварца: мы были все его ученики, а зачем ты был первым учеником, скотина?..

Сейчас легче скурвиться на деньгах. Конечно, хорошо, что людям платят. Мы получали гроши. Смешно сказать, но ребята получали за «Взгляд» на троих 40 рублей — аж по 13 целковых в неделю!

ТВ БЕЗ ИГРЫ В НАПЕРСТКИ

— В Москве много говорят о том проекте, который вы намерены воплотить на 3-м телеканале. Например, то, что МТК и «2x2» преобразуют во что-то принципиально иное, и называться это нечто будет АО «ТВ-Центр». Кстати, почему — именно так? И кто будет владельцем акций?

— Компания названа так потому, что Москва есть и будет центром России — географическим, культурным. Это акционерное общество с участием государства, инвесторов и даже москвичей — акции будут продаваться свободно. Думаю, пару лет канал все же должен дотироваться, а к третьему году мы сможем добиться самоокупаемости. Хотя, честно говоря, ждать прибыли от телевидения сегодня не приходится — тогда оно должно быть чисто коммерческим.

К сожалению, то, что сегодня есть на третьем канале, — это за гранью. В «2x2» есть хорошие информационные программы, ее кадры сохраняются, но сама информация будет другая — более широкая. На МТК есть несколько программ, которые тоже останутся.

Уже есть несколько ведущих новых передач — скажем, Паша Горелов. Он предложил, на мой взгляд, очень интересную идею, из нее может получиться суперклассная передача. Неожиданная, добрая. И без всякой политики. Если все удастся, тыфу, тыфу, тыфу, — я с удовольствием буду ему помогать. Ибо хочется доброго телевидения, знаете ли.

Я все понимаю, но когда по всем шести каналам показывают, что убили человека, создается впечатление, будто убили шестерых. У нас вообще мазохистская ситуация складывается — все только и причитают, как, например: «В это тяжелое время, которое переживает наш театр, который погибает...». Какого, извините, хрена он погибает! 164 театра в Москве. Когда было столько? Во всем Нью-Йорке дв-три профессиональных театра. Когда было столько премьер, выставок и галерей? Да, была... одна, которую бульдозером крушили. Вот — тяжелое время...

Так же и в кино: нигде в мире никто не даст выпускнику кинематографического института трехмиллионный бюджет — а у нас давали! Нигде не снимают кино по четыре года, какие бы гениальные художники ни были. Феллини вынужден был подчиняться правилам. Курасава не хотел — его выкинули. Он приехал к нам снимать «Дерсу Узала» и первые дни никак не мог понять, что можно не работать, потому что нет настроения. Филипп Тимофеевич Ермаш — очень талантливый продюсер — всех предупреждал, мол, ребята, когда-нибудь эта халая кончится. Она и кончилась, а мы все равно живем по инерции.

— Но кто-то же берется, рискует?

— Конечно. Вот многие критикуют «Клубничку». Да, не ах. Но бригада отработала технологию, которая позволяет снимать серию в день. Не очень качественно? А «мыло» никогда не было высоким искусством. На нем деньги зарабатывают, чтобы снять качественные фильмы.

— А на вашем канале что будет?

— Будет все: музыка, культура, спорт, информация, политика — куда ж от нее денешься? Более детально еще рано говорить, пока идут роды. Да и человек я суеверный.

— Кто играет с вами в одной команде?

— Люди разные по возрасту, опыту. Есть такие, которые работали вместе со мной на ВГТРК. Генеральным директором назначен Григорий Александрович Шевелев. Он на ТВ уже лет 35, прошел путь от редактора до зампреда Гостелерадио, был главным редактором «Времени», курировал «Взгляд» — и, как он говорит, мы его, правоверного, разложили. Он очень профессиональный человек. Но, кроме профессионализма, есть еще одно: порядочность. Я как-то верю в эту штуку. Есть ребята, которые просто поверили в меня — и ушли в новое дело, «на ноль».

— Поверил в вас и Юрий Михайлович Лужков. Или вы — в него?

— Мне нравится то, что Лужков делает, и я в этом не оригинален. Импонируют его чисто человеческие качества: его «непричесанность», интересное сочетание человека с таким властным профилем — и парня из московского двора. Для меня это очень высокая оценка, потому что дворы воспитывали не меньше, чем родители. И рыцарство в нем есть. Даже то, что он не сдает своих друзей, хотя они иногда его подводят. Вообще не люблю, когда сдают... К сожалению, сегодня в политике это стало очень модно. Все первое поколение демократов, пришедших в 90-м, сдано. Люди с колоссальным опытом. Со своими «тараканами», естественно, но человек без них вообще не интересен, по-моему. Так что мне Лужков этим нравится. Я вижу в нем динамизм. Комиссаров у нас — до чертиков, это единственное, что мы можем экспортировать. А вот прорабов... — Хорошо, что Лужков не дает ценных указаний по всем вопросам. Поручил дело — я не говорю, что он не будет спрашивать, но он не дает советов, как организовывать сетку.

— У вас с мэром был разговор о том, в какой мере канал должен быть политизирован и кому, так сказать, отдавать предпочтение?

— Нет, абсолютно нет. Шла речь о профессиональном телевидении, достойном Москвы. Чтобы в нем не «играли в наперстки» со зрителем. Чтобы не крутили сюжеты, из которых вопиет, что они куплены, причем можно даже понять, сколько уплачено и кому. Когда идет превращение поля телевизионного в набор медких удельных огородов и каждый судорожно выращивает что-то свое и побыстрее бежит с ним на рынок, не дожидаясь полного созревания, — вот это противно.

— А навязчивый тезис о том, что Лужков перестраивает ТВ под свою будущую предвыборную кампанию, имеет под собой основания?

— Ну что мы будем прикидываться глухонемыми! Во всем мире мэр столицы является крупнейшей политической фигурой. Тем более при нашем небольшом запасе карт на руках. Но по-моему, он еще не решил, будет участвовать в президентских выборах или нет. И мне кажется, ему уютнее в городе. А он — человек уюта, человек семьи. Когда он рассказывает о том, как купает дочь, он цветет весь!

— Про «человека уюта» — так, пожалуй, Лужкова еще никто не определял. Если бы еще и Москва стала городом уюта...

— Беда в том, что Москва не все определяет сама. Может, защитники прав бросят в меня булжники, но без прописки, или, как сейчас называют, регистрации, не обойтись, хоть это изобретение царизма и КГБ. Но ведь криминал-то в столице — завезенный. Если б не было его в Москве — да лучшего места в мире нет! А телевидение — это то же городское хозяйство. В рамках создания города уюта.

«НЕ КРИТИКУЕТ МЕНЯ ТОЛЬКО СОБАКА»

— Вполне естественно, что большая часть мыслей у вас сегодня — о создании нового телеканала. Но есть еще функции руководства печатными средствами массовой информации, книгоиздательским делом.

— Электронные и печатные СМИ должны сегодня помогать друг другу. Как ни странно это звучит для журналистов, причисленных к тотальной конкуренции. ТВ может помочь, подставить свое плечо газетам — им действительно надо помогать. Планируем привлечь много газетчиков и к телеканалу. Причем не как авторов и поставщиков сюжетов, а именно в совместные акции. Пора объединяться. Помогать, раскручивать друг друга. То же и по книгоиздательским делам.

— Тем более, что вы такой любитель книг. В кабинете они — на всех столах... Наверное, у вас и дома большая библиотека?

— Огромная. Вот только времени все меньше и меньше. Но у меня хорошая память, и прочитываю очень быстро. Сейчас — это смешно — читаю воспоминания Добрынина, хорошо написаны. Любопытную штуку из серии «Женщины-мифы». Еще — о Муссолини и фантастику. Люблю детективы. А когда сил нет — беру дамские романы.

— Есть еще увлечения?

— Представьте, электронные игры. Я не люблю страшилишки-мохлики-бродилки. А вот пасьянс разложить или в танковый бой сразиться — чудесная игра для семилетних агрессоров — это мне нравится. Вроде дамского романа: 20 минут — и голова очистилась.

В кино или театр редко выбираюсь. Я за городом живу, в Жуковке, приползаю домой только переночевать. И выслушать упреки домашних: опять не то надел. В семье я подвергаюсь диким унижениям и постоянной критике со всех сторон. Не критикует только собака — она меня полностью поддерживает.